Казнь Махамбета -14/ продолжение

Category: Kitapcy,Romanlar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Казнь Махамбета -14/ продолжение + + +

– Погодь, Макар, жди! Пущай исчо подсоберутся, покучнее! Ишь, прям как по писанному идут! Видать, немало свечек перед иконостасом-то выставил Статский Советник наш вперед похода, гляди, все по-евойному выходит…, – артиллерист Игнат Кучевой, из ярославских крестьян ушедший во солдаты аж целых десять лет назад, за годы службы научился понимать начальственную стратегию генералов, потому что, как сам любил говаривать, «артиллерист, он ить всю баталию со стороны зрит, и потому понимание имеет, что да как в стратегиях делается». И сейчас делился жизненным и боевым опытом своим с молодым Игнатом, попавшим в армию из оренбургских разночинцев, и горевшим нетерпением пустить в ход запал.

Действительно, степняки, будто подыгрывая сурковскому замыслу, медленно, но верно сокращали растянутость своей колонны, когда передовые конные разведчики повстанцев заметили строй «черкесской сотни», и спешно воротились, чтобы доложить о том своим вождям. Вожди же, по степняцкому обыкновению, были недалече, в самой голове каравана. Ежели по-хорошему, по военной науке, так следует сейчас из пушечки навесом то, да по самой по голове и пальнуть, строй разбить, да только наука та военная для степной войны вовсе не годная, прав господин статский советник. Рассеется враг по степи, утечет, аки песок сквозь пальцы, только ищи его, а надобно, чтобы скучился, бой принял. Умен, ох умен Его Превосходительство! А вот и сам он – подъехал на своем иноходце, в зубах трубочка, улыбается!
– Что скучаешь, служивый? Пальнуть, небось, ручки чешутся?
– Так точно, Ваш Ссходиссво! – рявкнул Макар Разночинец.
– Никак нет, господин командующий! – пробурчал одновременно с

ним Игнат Кучевой, недовольно зыркнув на товарища по батарее.

Ишь ты, ручки у него чешутся! Будто не знает, по ком пулять придется! По обозу, с бабами да дитями кайсацкими стрелять велено ить! Будто то не Макар в походе под морем Аральским с лихорадкою когда слег, такие вот бабы степняцкие молоком-кумысом его выхаживали! Можа, разночинцы оренбургские добра и не помнят, а ярославский русский мужик Бога гневить не станет, солдатскую честь свою в размен не пустит! Что там наш статский советник велит?

– Батарея, наводи пушечку на обоз, да навесным – пли! – Сурков командовал, даже не глядя на артиллеристов, весь поглощенный желанной сердцу его картиной того, как хвост обоза почти окончательно догнал основную часть каравана, а справа, на дальнем горизонте, из-за невысоких холмов появились фигурки конных казаков атамана Яблочкина.

Батарею, забранную у подполковника Геке, и переданную в распоряжение казачьей позиции еще ночью, почитай, под самое утро, отсель было не видать, однако граф Сурков был уверен, что она там, на месте. Иначе и быть не могло! И скоро она выстрелит, но первый выстрел должен исходить отсюда, с передовой позиции. Только так он мог рассчитывать сам достать вожака бунтовщиков Исатая Тайманова!

Игнат Кучевой дождался, пока Макар не зажег запал, и только тогда сместил прицел пушечки чуток налево. Разночинец с удивлением посмотрел на товарища, открыв было рот, но по жесткому взгляду и встопорщившимся рыжим усам старшего бомбардира понял, что лучше нынче промолчать. Молча запалил фитиль, зажал уши. Игнат руками ушей зажимать не стал, спокойно достал из-за манжеты восковые комочки, вложил в уши, руку же приставил козырьком к ко лбу, вглядываясь в направлении кочевья, туда, куда не должно было угодить ядро.

Так и случилось – взметнув в степное небо комья иссохшего дерна с ковылем, ядро упало и разорвалось чуть ли не за треть

версты от обоза, напугав ящериц да сусликов, но не причинив ни малого вреда кайсацкому каравану. С восковыми пробками в ушах, Игнат улыбался увиденному, и не слышал, как за его спиной ругается господин статский советник, как наклонившись с седла, трясет за плечо Макара Разночинца, и аж кричит тому в ухо, вопрошая:

– Один с пушкой управишься? Стрелять сможешь?

А Макар кивает в ответ, жмурясь от страха перед гневом высокого чина. Игнат Кучевой смотрит на дело рук своих – почти не заметных отсюда, но спасенных кайсацких баб да детишек, и улыбается, и вовсе не слышит, как господин статский советник приближается и останавливает коня прямо у него за спиной, вытаскивая свой пистолет с серебряными накладками на рукояти, на которых в далеких кавказских горах выгравировали имя Аллаха, Милостивого и Милосердного! Не слышит выстрела, прозвучавшего в упор, в затылок. Так и умер, улыбаясь, и рухнул улыбкой в степную землю, в ковыль, а по телу его протоптались копыта черкесской сотни, отправленной в лобовую атаку на караван бунтовщиков.

+ + +

– Кузьма! Ничайный! Ты, штоль, в Крыму-то, из кулеврины палить обучен был? – Яблочкин стоял перед связанным Тыняновым, старшим артиллеристом при батарее, что ночью была доставлена в его распоряжение приказом графа Суркова.

– Ну, я, а чо? – Кузьма откликнулся, и предугадав следующий приказ атамана, принялся спешиваться, радостно улыбаясь – этого казака хлебом не корми, дай токмо из пищали пальнуть!

– Так поди, глянь, что за пушечка такая! – велел Яблочкин, все еще не сводя глаз с Тынянова.

Вот ить предупреждал его засланец сурковский, что артиллеристы армейские, даром что барского роду-племени, а могут отказаться приказ выполнять. Так и вышло – как скучился обоз кайсацкий,

да настало время по приказу графа стрелять навесными по арьергарду каравана бунтовщиков – барин-жид взбунтовался. То, что барин – еще и жид, он сам по наивности своей, казакам утром еще сказывал. Родом, говорил, из бессарабских помещиков, что еще при Екатерине-матушке православие приняли. Так и что теперь? Хоть и из выкрестов, а все одно, жидовское племя, завсегда подведет и продаст, как Христа продали, паскуды! – думал атаман. В смелости, правда, жиду не откажешь – с одним пистолетом да сабелькой пытался казакам супротив стоять, к пушке не подпуская, да где там! Ткнули его пикою в бедро, сабельку выбили, пистолет отобрали, связали, на суд атаманов поставили. А тут уж и Бог рассудил – пика, видать, бедро барское вспоров, в жилу угодила, отворила кровушке путь, гляди, кака лужа темная натекла, аж из сапога переливается, пяти минут не пройдет, и преставится артиллерист, что против государя бунтовать удумал. И даже сейчас, гляди, умирает, а все еще бунтует!

– Вы…. Зачем так? Чего со степняками не поделили? Что вам с приказа государя, который к тому же никонианец, и веры вашей, старообрядческой, не признает? А ведь с этими – под одним небом, в одной степи живете? Нечто вам степи на всех мало? – умирает барин-жид, а вопросы задает опасные, ох опасные! Жидовскую измену свою, гляди, на православных казаков передать хочет, по самому больному бьет. Ан нет, шиш ему, а не бунт казацкий!

– Степь-то, можа, и большая, можа, на всех и хватит. Да токмо…, – Яблочкин приблизился к умирающему артиллеристу так близко, что даже почувствовал его угасающее дыхание: – Токмо нехристи они, понял? А государю мы присягу приносили! Он нам степь эту в откуп отдал. Так что расклад нынче такой – или мы, или они! Кузьма?!

– Чегой тебе, атаман? – Кузьма Ничайный, не получивший артиллерийского образования, однако во время крымской кампании обучившийся стрелять из кулеврины, по своему разумению уже зарядил да навел пушку в направлении кайсацкого обоза, и ждал

только команды.

— Пли! — сказал, как выплюнул, атаман Яблчокин.

— Получай плю! — хохотнул казак-бомбардир, и поднес запал к фитилю.

Про уши-то забыл, и как грохнула пушечка, что всем уши заложило, а дыму столько было, что хоть топор вешай! Когда дым рассеялся, оказалось, что барин-жид уже и помер. Пушечку же только чудом не разорвало, однако выстрел, как ни странно, получился удачным — ядро, пущенное с вершины холма, полетело прямо, и угодило в самую крайнюю телегу обоза бунтовщиков. Угодило, и разорвалось, отправив к Богу ли, черту ли, или туда, куда направилась душа жида-выкреста, душу кайсака-старика, что за вожжами правил, двух кайсацких бабенок и пятерых детей, из которых самому малому и года не случилось. Слезящимися от порохового дыма глазами атаман Яблочкин оглядел проступавшие в белесых клубах суровые лица своих бойцов, да и скомандовал:
— По коням! В атаку! За государя! За веру!..

+ + +

Когда раздался первый выстрел, Махамбет еще находился в самом хвосте каравана, продолжая торопить и подгонять отстающий обоз. Взрыв, случившийся за треть версты впереди и справа, не напугал никого так сильно, как вдруг побледневшее лицо акына.

— Не болды, агай? — спросила сидевшая на открытом переднем краю кибитки молодка, пытавшаяся успокоить грудного ребенка, проснувшегося от звука выстрела.

Телегой управлял кривой на один глаз старик, который, казалось, был еще и глух, поскольку ни один мускул на лице его не дрогнул от грохота разовравшегося ядра. Но так только казалось — лицо его вмиг сделалось испуганным, когда раздался голос немолодой женщины, видать, свекрови молодки, выглянувшей из кибитки, цыкнувшей на невестку, и в свою очередь спросившей

у Махамбета тоже самое:

– Что такое случилось, агай?

– Не знаю…, бегите! – последнее слово Махамбет уже выкрикнул куда-то назад, во весь опор пустив коня галопом вперед, туда, где должен был находится Исатай.

Путь ему преградили резко остановившиеся и смешавшиеся между собой телеги и кибитки обоза, сгрудившиеся в немалой степени по его вине, и тут послышался свист второго ядра, а затем – взрыв где-то невдалеке за спиной. Оглянувшись, Махамбет с ужасом увидел, как в сотне шагов позади, во взметнувшемся снопе огня разрывается телега с молодкой, кормившей ребенка. Тело старика, сидевшего за вожжами, вернее – только верхняя его половина, будто упала с неба ровно на полпути между Махамбетом и местом, где находилась кибитка.

– Бегите! Бегите! – еще громче принялся кричать Махамбет, и тем самым только усилил царящую в обозе неразбериху.

Верблюды, напуганные близким взрывом, храпели и бились, кони, напуганные поведением верблюдов, позабыли слушаться вожжи, и в караване началась сумятица, телеги путались упряжами, кто-то, попытавшись бежать сам, спрыгнул с телеги, упал, и тут же оказался раздавлен под тяжелыми лапами раздраженного верблюда-нара. Вой женщин и детей пугал сильнее, чем ожидание следующих громов с неба и взрывов.

Наконец, впереди показался просвет меж телег, и Махамбет направил своего коня туда, в надежде вырваться и помчаться дальше, на помощь к своему Старшему.

А помощь Старшему и вправду была нужна.

+ + +

Когда раздался первый выстрел из пушки, Исатай мгновенно принял решение – отправил одного из своих жигитов назад с приказом для основной части армии развернуться и окружить обоз

с семьями, и если последует нападение с флангов или тыла, немедля разделиться и атаковать, сам же велел сотне тех, что были с ним, бойцов, скакать вперед, туда, к позиции батареи, первой открывшей огонь.

И в лобовой атаке столкнулся с «черкесской сотней», ведомой графом Сурковым. Впервые встретились на поле боя – вольная Степь, и непокорный Кавказ! Только вот беда – седые горы, родина воинов и смутьянов, отторгла когда-то этих своих сыновей, и сейчас они, продавшие непокорное пламя бойцовского духа, несли вольной степи кандалы от своего имперского хозяина. Надсмотрщик этого хозяина, носитель кавказской крови, пошедший на добровольное рабство, ныне сам желал всех видеть рабами, непокорных же осуждал на смерть, и приговор этот исполнял сам, незамедлительно – трижды выстрелил он из своего пистолета, и трое верных жигитов Исатая упали с коней без жизни, когда же выхватил булатный клинок свой, украшенную червленым серебром с именем Всевышнего, и принялся прорываться сквозь гущу сабельного боя к Исатаю, стало ясно – достойный противник, истинный враг, несущий гибель Свободному духу, стремится сам, лично уничтожить главу повстанцев!

Исатай от боя с графом не бежал, но верные жигиты его, родичи кровные, соратники, бросались первыми вперед, чтобы не подпустить смертоносного статского советника к своему вождю. И погибали – слишком хорош был граф-чечен, искусство убийства впитал с молоком матери, отточил в баталиях, в которых и сделал себе карьеру, к тому же был умен, и где того требовала боевая задача, в схватку не вступал, доверяя сражаться с особо сильными да буйными врагами таким же, как они сами, сильным и буйным воинам своим. Сам же преследовал одну цель, которую ставил превыше всего в этой битве – лично, своею рукою умертвить вождя повстанцев!

Когда же второй выстрел раздался, пришлось Исатаю самому повернуть коня, и скакать обратно, чтобы возглавить основную армию для защиты обоза с семьями.

+ + +

Полковник Геке услышал второй выстрел, поморщился, подобрал одной рукой поводья, другой поднес к глазам подзорную трубу голландской работы – подарок Светлого Князя, наследника Государева, Александра Второго, за участие в княжеском кортеже через Оренбург в бытность Карла Карловича офицером по особым поручениям при генерал-губернаторе Эссене, и сейчас пригодившийся как нельзя кстати. Сквозь чудесное стекло фламандских мастеров приблизилась картина ужасной гибели кайсацкого семейства от взорвавшегося пушечного ядра, стало видно, как заметались в панике люди, не зная, куда податься на открытом лике степи от смерти, способной рухнуть с неба железным ядром. Спустя какое-то время стало ясно, что армия повстанцев ничуть не в панике, но дело свое знает – полумесяцем, расширяясь, двинулись они в сторону, откуда раздался второй выстрел, и двинулись быстро! Немногие же оставшиеся с обозом бойцы погнали весь обозный караван в противную сторону… прямо на его позиции!

– Что прикажете, Карл Карлович? – капитан Лановой находился рядом, с трудом удерживая молодого своего жеребца – удачное приобретение для конкура, но никак не степных военных кампаний, уж очень беспокоен был конь. Лановой так же пользовался своею подзорною трубой, аглицкой, купленной в Петербурге, и уступавшей «голландке» в дальнозоркости, однако представление о поле боя дающей вполне сносное. Вон, по капитану видать! – В конную бы атаку, как считаете?

– Ничуть не считаю, Василий Иванович, ничуть! – покачал головой Геке, и вдруг выдал неожиданное:

– Всем спешиться. В штыковую! Коней вести на поводу, как обоз приблизится – стрелять в воздух, а ежели не побегут – пропустить через строй, после чего можно и в конную. Передать приказ полку незамедлительно!

– Карл Карлович, трибунал же за такое! Статский советник этот,

аспид, сгноит ведь, самое малое – разжалуют, а может, и того хуже!..

– Ты, Василь Иваночив, за мою карьеру не бойся, когда я тут за свою офицерскую честь боюсь! Просто следуй приказу, тебе-то что грозит? Скажешь, ежели что – мол, это все полковник, а мы не при чем…, – тихо произнес Геке, и только тут понял капитан Лановой, как сильно вымотала эта аральская кампания, перешедшая в карательный поход против бунтовщиков, Карла Карловича. Полковник медленным движением провел рукавом по лбу, вытирая вездесущую летнюю степную пыль, безо всякого выражения посмотрел на грязную манжету.

– В Оренбурге отстираемся, Карл Карлович! – неловко попытался развеселить полковника капитан Лановой, да осекся, увидев глаза Геке.

– Запачкались мы нынче в этой войне, Василь Иванович, и не отстираться теперь, никакая прачка не поможет. – тихо пробормотал полковник, и добавил, уже во весь свой натруженный, офицерский, командный голос: – Выполнять приказ! Всем – спешиться!..

+ + +

Исатай и Махамбет столкнулись у самой головы каравана, когда раздался третий выстрел – казак-пушкарь Кузьма заряжал споро, не в пример новичку Разночинцу, оставшемуся в одиночестве у своей батареи в тылу конной атаки статского советника. Однако же, скоро заряжать – не значит, стрелять метко, и этот выстрел не долетел до каравана, разорвавшись аккурат промеж летящих друг другу навстречу конных – казачьей атаки, возглавляемой атаманом Яблочкиным, и спешащего отрезать их от обоза отряда конных степняков-повстанцев. Никого не задел, только передовых коней зря попугал Кузьма-бомбардир, и все же Исатаю этого было достаточно, чтобы определить расклад с артиллерией противника:

– С востока пушек нет! Веди туда караван, Махамбет! Я отряд Берика возьму, вкругпроскачу[П14] [AU15] [AU16] , с боку на

батарею ударю…

– Нет, агай! С караваном ты уйти должен! Дай мне отряд повести, а ты уходи, без тебя наше дело не выживет! – Махамбет не просил – умолял Старшего своего хоть сейчас довериться ему, несмотря на все совершенные ошибки, на все недовольство, поверить и доверить умереть за него, Исатая, здесь, на этом поле битвы. Однако Старший был непреклонен, и даже более того, подъехав на коне вплотную, резким движением потянулся к Махамбету, схватил за грудки, притянул к себе, словно куль с сеном:

– Смерти ищешь, сын Утемиса, или прощения моего? Думаешь, одною смертью все ошибки замолить? Нет такого на войне, и не бывает! Если же прощения ищешь – так не за что мне тебя прощать, брат мой, а только жить ты должен, потому что если меч восстания – я, то ты – душа его, понял? Возьми полсотни бойцов с собой, и уходи! Кайыржан! Пятьдесят человек с Махамбетом, сопровождайте обоз на восток, в Сарыарка поведете всех, подальше… оттуда уже к хану Кенесары направитесь – главное сейчас, людей увести! А ты слушай меня, сын Утемиса! Сына моего на своего коня посадишь, понял? И чтобы живым его вывез отсюда! Дай слово! Чего молчишь? Слово дай, говорю тебе! Требую – как Старший у младшего своего, обещай, что сына моего выведешь! Сделаешь?

Исатай не кричал – рычал барсом разъяренным на когда-то могучего батыра, акына с пламенным сердцем, которое в последний год было разбито, и тлело под золой ненависти к себе – такому, и рык этот возвращал его, Махамбета, сына Утемиса, воина и певца Степной Вольницы, того, кому Старший побратим и вождь доверил самое ценное – жизнь своего сына!

– Выведу, агай! Будь спокоен! Но только и ты со мной пойдешь! Иначе, пускай сына твоего сам Кайыржан и выводит, а я рядом с тобой драться останусь! Восстанию нашему меч Исатая потребен не меньше домры Махамбета, или неверно говорю сейчас, Старший? – говорил акын, и голос его звучал так, как прежде, как

всегда, когда сердце его горело, и никто не думал спорить со словами Махамбета, идущими от этого пламенного сердца.

– Верно говорит, Исатай-ага, вы должны уходить вместе с обозом, а казаков с этими… шайтанами… мы остановим, задержим! Так – правильно! – вмешался в разговор Берик, весь в крови, чужой и своей, с обломком кылыша-сабли в руке, он подскакал только что, и услышал только последнюю фразу, но все и так было ясно опытному воину.

– Кого ты этим остановишь? – возмутился Исатай, указывая на обломок, но Берик только усмехнулся, и страшно смотрелась эта усмешка сквозь маску из свежей крови, заливавшей лицо степняка.

– А ты мне свой меч дай, Исатай-ага! Я человек бедный, у меня другого нет. Ни меча другого, ни вождя другого нет у меня, так что дай мне свой кылыш, и оставь выполнять свой долг, а ты – выполняй свой, веди нас к свободе, как обещал!

– Ты мне еще про долг мой напоминать будешь! – возмутился было Исатай, но впервые – смутился внезапно, и порывисто, словно не давая себе возможности изменить решение, вытащил из ножен кылыш-саблю, перехватил у основания клинка, протянул рукоятью к Берику: – На, забирай! Ножны у себя оставляю, так что – вернешь потом. Понял?!

– Да понял я, агай, понял все! Идите, жол болсын! – напутствие Берика было еле слышно сквозь топот копыт – он уже скакал туда, в самую голову каравана, где продолжался бой между черкесской сотней и авангардом колонны повстанцев.

Исатай проводил Берика взглядом, затем вдруг схватил коня Махамбета под уздцы, и рысью повел своего скакуна вперед, к большой телеге, на которой ехала его семья. Подъехав, наклонился с седла, поднял сильными руками сидевшего возле жены пятилетнего бутуса – самого младшего, любимого сына, резко посадил его в седло за спиной Махамбета. И вновь посмотрел в глаза младшему побратиму:

— И все-таки… пусть с тобой едет. Я так хочу…

Сказал, отвернулся, и уже не оглядываясь, поехал в направлении, откуда еще не стреляла пушка, и весь караван, разворачиваясь, следовал за ним туда, на восток… К штыкам полковника Геке!

+ + +

Две сотни жигитов, каждый из которых знал, что остается умирать. Но умирать легко им тоже было нельзя — надо было протянуть как можно дольше, забрать с собой на тот свет как можно больше, потому что каждая минута их жизни — это задержка для преследующих, а каждый убитый враг уже не сможет преследовать Исатая, уводящего караван прочь из этой чудом устроенной ловушки в казавшейся бескрайней степи.

Против казаков с пушкой, стрелявшей с западной стороны, отправился Кайсар, один из дальних родичей Исатая, славный батыр и палауан, однако уже в летах. И все же опыт боевых стычек с казачьими разъездами и ватагами барымтачей, состоявшим как правило из беглых реестровых казаков, оказался решающим — разделив свою сотню надвое, одну старый сарбаз пустил в обход, сам же атаковал казаков в лоб, заставив увязнуть в сабельной схватке, и тем самым выиграл время для второго отряда. Описав широкий полукруг, пятьдесят жигитов на полном скаку снесли позиции казачьего резерва, по ходу нанизав на пику пушкаря Кузьму, и ударили в тыл отряду атамана Яблочкина. Сам Яблочкин с саблею в руке бросился на Кайсара, вооруженного старинной булавой, бился отважно, однако же был сбит с коня мощным ударом деревянного шокпара, утыканного медным заклепками, и погиб под копытами. Не только атаман, да и вся казачья сотня погибла бы в этот день под яростным ударом степняцкой конницы, мстящей за пушечный расстрел каравана с их семьями, если бы не горцы графа Суркова.

Верный исатаев товарищ, Берик вел своих против сотни конных

дьяволов, сражавшихся не как русские, но скорее подобно самим степнякам, отчаянно, без явных воинских построений и при этом с явной военной дисциплиной. Так сражались реестровые казаки, но на этих была форма, какую носят гарнизонные солдаты. И оружие у них было много лучше казачьего. И дрались они много лучше. «Ровно как мы бьются, шайтаны, будто не они на нашу землю, а мы на них напали!» – подумал Берик, и была эта мысль для него последней – потому как дальше ни о чем думать не получалось, сам господин статский советник схватился с ним в сабельном бою. Искры высекались от столкновений булатной стали кубачинской работы в руках графа, и старого, добротного кылыша, кованого три столетия назад в далеком Дамаске, захваченном при нападении на караван, идущем по Шелковому Пути, и доставшемуся в наследство Исатаю от отца, Утемиса, а тому – от его отца, и так до самого их предка, что получил его в дар от Шейха Ахмеда, последнего хана Улы Орды. Сейчас этот клинок пел свою последнюю песню в опытной руке Берика, дальнего родича Исатая, по праву держащего этот кылыш, по праву обнажившего его. Но не право, и не правда правили в этот день. Один из лучших фехтовальщиков империи, граф Сурков уроки конного сабельного боя брал у отставного капитана французских улан, державшего когда-то свою школу в Париже, ныне же обретавшегося в графском имении, и помимо казенного содержания за службу при подготовке кавалеристов для армии, еще и служившего ментором графских сыновей. Французская школа боя – лаконичная, впитавшая в себя батальный опыт множества войн и народов, ведших бой мечами и верхом, и навык драки на саблях сидя в седле, без которого не выживет ни один степняк, назвавшийся воином, сошлись в смертельной схватке за правду, но не клинкам было суждено решить этот спор. Караван уходил, а с ним и Исатай с Махамбетом, а значит следовало покончить с этими отчаянными степняками как можно скорее, и даже природное любопытство не стало достаточным поводом, чтобы продолжать этот бой. Подняв коня на дыбы, статский советник прекратил обмен сабельными ударами, а когда все четыре копыта его боевого коня коснулись побагровевшей от крови земли, в его руке уже был выхваченный из специального седельного кармана

второй пистолет, державшийся в запасе для особых случаев. И выстрелом в упор, прямо в сердце, граф Сурков прекратил эту схватку, чтобы оглянуться, и убедиться: вовремя! Хоть и погибал вот уже последний степняк из этого отряда смертников, что пришли сдерживать горцев, но меньше сорока оставалось из всей «черкесской сотни», и пушечкой управляться уж некому, а караван уходит, уходит вместе с Исатаем и всей верхушкой этого восстания… Правда, не куда-нибудь, а по его, Суркова, плану, идет прямо на корпус полковника Геке, но Карлу Карловичу статский советник нынче не доверял. И все же, прежде чем броситься преследовать бунтовщиков, следует покончить с одним делом, дабы не оставлять врага за спиной! И бросив гортанный клич, статский советник ринулся в еще одну атаку, туда, где в жестокой схватке бились казак и кайсак.

Будто молотом по наковальне, ударили остатки черкесской сотни прямо в тыл увлеченным боем степнякам, по пути успев перезарядить пистолеты, и меткими выстрелами своими решившими исход и этого боя. Кайсара, добивавшего очередного казака своим страшным шокпаром, Сурков уложил сам, с прочими же покончили его бойцы, да и сами остатки казачьей сотни атамана Яблочкина, при виде такой поддержки, воспряли духом. И вот уже чуть ли не с полной сотней летит, втаптывает копытами в степь ее же пыль, словно свободолюбивые слова вталкивает арестанту смутьяну в глотку, граф Сурков, статский советник по особым поручениям, вослед уходящему на восток каравану бунтовщиков, самолично убивший сегодня уже двоих вождей этой смуты, и желающий этот счет увеличить!

+ + +

Полковник Карл Карлович Геке вел свой полк в бой, находясь в самом центре цепи. В голове его крутились слова «Песни об орыс батыре» – степняцкое творение дошло аж до киргизов Приаралья, и там-то его полковник и услышал в юрте одного местного бая. Уважение к победителю, сочетавшееся с горьким упреком за нарушение чести по отношению к побежденным удивительным образом коснулись души кадрового офицера, служаки до самых

костей, каким он себя считал. Казалось бы, стыдиться нечего, выполнял свой долг, приводя в подчинение подданных государя императора, как и полагается согласно присяге, однако же – было стыдно!

Размышления прервали показавшиеся в пределах видимости степняки – уже без всякой помощи подзорных труб можно было разглядеть и кибитки с семьями, и идущих за ними верхом конных жигитов. Жестом подозвав идущего рядом Ланового, приказал:

– Велите цепи расступиться ровно здесь, по середине. И дать залп в воздух, и сразу перезарядиться, готовиться к стрельбе верхом. По команде!

– Зачем это, Карл Карлович? – Лановой удивился.

– Затем, что может, кто-то веру в нашу честь и потерял, а я так остался и буду впредь русским офицером. Который с женщинами и детьми воевать не привык, и привыкать не намерен. Степняк же за ними прятаться не станет. Обоз с семьями пропустим. А там… закончим эту баталию – здесь, и сегодня. По нашим правилам. С честью закончим. Передавай приказ по цепи – расступиться по центру. В воздух – пли! Перезарядиться! И – в седло!

+ + +

Исатай увидел цепь солдат, идущих будто в штыковую. Увидел, как цепь остановилась, расступилась, образовав проход, достаточно широкий, чтобы пропустить по четыре телеги в ряд, будто приглашающий пройти… раздавшийся выстрел был в воздух, но дал понять – приглашение то не для каждого. Увидел, услышал, понял – и принял решение.

– Бауыр, ты помнишь, что мне обещал? – спрашивая, он не смотрел на Махамбета. Взгляд его был устремлен вперед, пытаясь высмотреть в цепи того, кто все это придумал. Старый воин испытал невольное уважение к противнику, загнавшему его в ловушку, и предлагающему покончить этот бой с честью.

— Помню, Старший! И я выведу твоего сына! — голос Махамбета звучал уверенно, а вот выглядел акын и батыр совсем не хорошо — лицо посерело от пыли, глаза будто кровью налиты, руки бессильно сжимают рукоять меча в стареньких ножнах на бедре.

— Вот и хорошо! А теперь… Отдай мне свой меч, Махамбет, — Исатай сказал, и протянул руку.

Махамбет не задумываясь, отстегнул ножны, протянул Исатаю, оглянулся за спину, посмотреть, как там мальчишка, доверенный ему. Мальчуган сидел, крепко ухватившись руками за махамбетов поясной кушак, ноги же его будто вросли в лошадиный круп — не отдерешь! Успокоился. Потом вдруг опомнился будто:

— А я, Старший… совсем ведь без оружия остался?

— А тебе и незачем брат мой. Драться мы сейчас не собираемся, просто негоже вождю, да без меча, а я свой Берику отдал. Потом заберу… кудай буйырса… Если Всевышнему будет угодно… Давай, торопись, вперед, пока нам проход дают! Гей, все — вперед!

Будто только этого приказа и ждали от Исатая — ринулись в образовавшийся проход кибитки и телеги, несущие женщин и детей, верблюды, груженные скарбом, и даже конные жигиты стягивались к проходу этому, будто песчинки в горлышко песочных часов, отмеряющих чьи-то последние минуты.

Когда последняя кибитка прошла цепь, весь полк был уже на конях. Регулярная русская армия, экпедиционный корпус, солдаты, наученные линейной стрельбе на аглицкий манер, из седла, они держали на прицеле каждого степняка, что был вооружен и на коне, и Махамбет, казалось, начал понимать, но мальчуган за спиной, вцепившийся крепко в поясной кушак, не позволял забыть о данном обещании. К тому же — вот он, Исатай, всего в каких-то тридцати шагах сзади едет, ему велел идти вперед, а сам сказал что за жигитами приглядит.

Глядит! Прямо в лицо ему глядит человек с таким усталым выражением лица… таким знакомым… Это же Геке, полковник! Тот,

что побил их в прошлом году. Карла Карловича Махамбет видел лично, и даже был представлен еще в годы службы у хана Жангира наставником его сына, в Оренбурге. Знакомство это было мимолетным, однако умное, волевое лицо степного акына Карл Карлович запомнил хорошо. И знал, кем он был, этот Махамбет Утемисов. Знал и того, кто ехал чуть сзади. Исатай Тайманов, вождь повстанцев. Два главаря бунта, с которым можно покончить здесь и сейчас – дай только приказ, а одного хоть сам уложи – стрелок Геке был отменный, и пистолет, и ружье у него были под рукой, однако… Махамбет Утемисов был без оружия, к тому же спиной у него сидел мальчишка. Ребенок, четырех то ли пяти лет от роду, и ежели стрельба начнется, значит, и мальчишку, как пить дать, заденет. И быть написанной еще одной песне об орыс-батыре, русском солдате, что в детей пальбу ведет…

+ + +

– Палите, черти! Всех под трибунал высочайший! И полковника этого – первым! Палите же! – Сурков не кричал – сипел, сорвавши голос, но находящийся в пяти сотнях саженей от него полковник Геке не мог его слышать, даже если бы он кричал в полный голос – в степи поднимался ветер, и дул он прямо в лицо господину статскому советнику.

Впрочем, верным черкесам приказ в голос и не требовался – они научились понимать своего командира по одному только виду его напряженной спины, и выстрелили сами, а за ними и казаки подтянулись, открыв пальбу в спину казахским жигитам.

+ + +

Когда раздались выстрелы сзади, Махамбет уже прошел через проход в цепи. Задумавшись о Геке, не заметил, как Исатай остановил коня, и остался далеко за спиной. И тут раздался приказ:

– Цепь сомкнуть!

– Есть цепь сомкнуть, Карл Карлович! – Лановой доложился чуть

ли не сразу – обученным солдатам экспедиционного корпуса понадобилось каких-то полминуты на восстановление строя, и вот перед бунтовщиками – конная стрелковая линия, полк, за которыми пылит, уходя в степь, караван с семьями.

– Пли!

Карл Карлович выкрикнул приказ, и сам первым выстрелил. Исатай Тайманов, вождь степного восстания, успел вытащить клинок из старых, потрепанных ножен, только на треть, когда пуля из немецкого ружья «фамильной» работы – так же подарок Светлого Князя после памятной охоты в степи на сайгаков – достигла цели. Пробила кольчужный доспех, вошла в плоть, в сердце, и застряла в позвоночнике, перебив нервы, заставив гордого вождя Вольной Степи раскрыть рот в беззвучном крике от невероятной боли, и выгнуться навстречу синему степному небу, будто моля о чем-то… то ли Всевышнего Пустынного Бога, то ли – самого Тенгри… Потерявшая связь с мыслью, доселе управлявшей ею, рука, что держала меч, будто вложила его обратно, другая же бессильной плетью повисла, отпустив удила лошади, которая по-своему поняла – и понесла! Расслабившиеся бедра уже не держались за лошадиные бока, ноги выскользнули из стремян, лошадь же, чуть не наскочив на самого полковника, в последний миг повернула и ускакала, оставив на земле тело того, кто был первым клинком Вольной Степи, а ныне оказался поверженным в ее пыль.

+ + +

Эти последние сажени, когда цепь позади него сомкнулась, Махамбет проехал, будто в каком-то странном сне, даже мороке, будто не он это сжимал поводья, не его бедра привычно сжимали бока усталого коня. Он не оглядывался, когда прозвучал выстрел, унесший жизнь Исатая. Оглянулся мальчишка, сидевший за спиной, и уже его голос, даже не крикнувший, а как-то жалобно пискнувший «Аке!» будто пробудил от странной мороки, пришло понимание того, что же именно сейчас произошло. И вместе с этим пониманием пришло и другое – оглядываться сейчас

нельзя, ни за что, потому что…

+ + +

Статский советник опоздал. После рокового выстрела, обезглавившего бунт, степная армия уходила, утекала, как песок Нарына сквозь судорожно сжимающиеся пальцы империи, пытающейсяжадно[П17] [AU18] [AU19] удержать все, что только попадало в пределы ее досягаемости. Падали без жизни из седел многие жигиты, настигнутые пулями из ружей кавалерийского экспедиционного корпуса, расстрелянные первым залпом чуть ли не в упор, но еще больше успевало уйти в бескрайнюю степь, раствориться в ней, чтобы потом встать в ряды армии Кенесары Касымова, и снова чинить бунт против империи. А все потому, что столь хитроумно задуманная и тщательно подготовленная операция сошла на нет из-за глупых, ненужных в такой войне понятий о чести офицеров одного экспедиционного корпуса. Из-за того, что некий полковник услышал о себе степняцкую песню. Впрочем, о последнем сиятельный граф Сурков не ведал. Бешеная ненависть по отношению к Геке он сковал в ледяной панцирь выучки потомственного царедворца, призвав весь свой талант успешного карьериста и воинскую дисциплину. Месть может подождать, тем паче что тело поверженного врага лежало у ног того, кому сейчас уже никакой трибунал не страшен – и без того благоволивший к полковнику Геке, Перовский теперь нипочем не даст в обиду одного из лучших своих боевых офицеров. И ведь никакие доводы, что можно было уничтожить не часть, но всю мятежную армию, не убедят теперь генерал-губернатора, относившегося к этому восстанию как к досадной помехе перед его грандиозными планами на хивинскую кампанию. Глядишь, еще и наградит своего любимца, благо, сам Светлый Князь к этому служаке симпатию питает!

Все эти мысли в единый миг пронеслись в голове статского советника, умевшего мыслить скоро, и так же быстро принимавшего решения. Осадил разгоряченного бешеной скачкой коня прямо перед Карлом Карловичем, чуть ли не потоптав тело главаря смутьянов копытами. Выдавил сухую улыбку, просипел

сорванным голосом:

– Поздравляю, Карл Карлович! Одним, я так понимаю, выстрелом, индульгенцию себе добыли. Видать, знатный вы охотник, о том еще Светлый Князь сказывал.

Полковник не ответил, только сжал губы, посмотрел сурово. Несмотря на победу, он понимал шаткость своего положения, и то, какого могущественного врага в лице этого царедворца заполучил. Степной вождь и достойный враг, Исатай Тайманов смертью своей заплатил за честь полковника, за то, что тот позволил уйти каравану с семьями. Позволил уйти Махамбету Утемисову с мальцом в седле… видать – сыном…

– Где второй вожак смутьянов? – сипя, и словно о чем-то незначительном, полюбопытствовал статский советник, безуспешно пытаясь высмотреть среди мертвых тел степняков знакомого ему лишь по описаниям Махамбета Утемисова. Полковник молчал, еще сильнее сжав губы. Сурков привстал на стременах, вгляделся в уходящий в облаке пыли караван за спинами сомкнутой кавалерийской цепи…

+ + +

…Потому что там, позади, поджидает Судьба. Кудай тамак, божья жертва, сегодня принесена не им, но тем единственным, который должен был выжить и вести восставшую степь к победе. Судьба же требует исполнения предназначений. Двое возглавили смуту, и двое должны погибнуть, чтобы быть воспетыми в песнях, чтобы зажечь своей смертью пламя яростного негодования, чтобы сам хан Жангир понял, из чьих рук он принимает власть над собственным народом, предавая его. И если оглянуться, то можно встретиться с этой Судьбой взглядом, увидеть собственную смерть, и исполнить то, зачем явился в этот мир, и если уж жизнью не смог избавить свой народ от кабалы, искупить цену ошибок своей смертью!

Но через плотную ткань чапана чувствуется бьющееся сердце ребенка, сына старшего побратима, того, кто доверил это сердце

ему, Махамбету. И он обещал, что ребенок будет жить! Чтобы ни случилось…

Судьба и преданность данному слову боролись в его сердце, умиравшем уже сейчас, превращавшимся в холодный камень, бьющийся все медленнее, спокойнее, будто нет скорби от потери побратима, нет горечи от поражения, и вообще ничего уже нет, кроме другого сердца, детского, которое должно продолжать биться…

Но никогда еще честь и долг не побеждали Судьбу, и на этот раз случилось так же. Когда сердце, вконец окаменев, будто остановилось, когда все чувства умерли, и даже стук детского сердца отошел куда-то вдаль, перестав беспокоить, он потянул поводья. Остановился. Медленно, будто не по своей воле, повернул голову. И встретился взглядом с ним…

+ + +

В самой гуще пыли, еле заметный круп низкорослой степной лошадки, а на крупе смутно виднеется малец, крепко, видать, ухватившийся за седока – плотного, широкого в плечах мужчину, чья наголо обритая голова будто отражает пробивающееся сквозь пылевое облако степное солнце. Всадник отчего-то вдруг остановился, повернул голову, и встретился взглядом со статским советником, всего лишь на миг…

+ + +

Как два клинка, скрестились взгляды того, кто пришел устанавливать власть империи в вольной Степи – и того, кто был этой Степи заблудшею душою. Но не искру высекли клинки – тьму, и алчность, и жажду победы, умноженную яростью от несбывшихся чаяний в эту баталию.

И словно отпустила Судьба свою Божью Жертву, сорвался Кудай Тамак – жеребец, уготованный на заклание, с празднично украшенной привязью, и ожило сердце, ломая каменную коросту, и забилось в едином порыве с сердцем ребенка, за жизнь которого

– в ответе! И отвернулась жертва от своей Судьбы, и понеслась вскачь, прочь, чтобы ценой своего искупления сохранить детскую жизнь.

+ + +

– За мной, шайтан вас дери! За мной, черти! Расступись! Дорогу! – сипел Сурков, однако цепь стояла, повинуясь лишь приказу своего полковника. Полковник же молчал. И тогда с места, да в карьер, бросил «капказский человек» граф Сурков своего коня прямо на цепь линейных кавалеристов, грозя столкнуться грудь в грудь, а там уж – кого Бог хранит, а кого – копыто топчет!

Не выдержала цепь яростного напора алчного графа, в последний миг шарахнулась обученная кавалерийская животина в сторону, дав дорогу сначала самому графу, а там и последовавшим за ним «черкесам», не утолившим еще свою жажду крови в этот день.

Статский советник русской империи начал погоню за Махамбетом!

+ + +

«Небо, обиталище ли ты Бога, или само – Бог, сейчас не ведаю, не знаю, ничего не знаю, только об одном прошу – спаси и сохрани! Не меня – кровь побратима моего, сына, доверенного мне, дай вывести живым, а там делай со мной что хочешь! Сам голову подставлю под клинок!» – молитва, ересь, отчаянная просьба, неведомо к кому обращенная, звучала в голове, сухие губы шептали «Фатиху» и «Эль Ихляс», путая слова и строки, и только тело, привычное, верное, надежное тело степного всадника-кентавра, будто слившееся в одно единое с конем, летело над степью, и степь давала силы. И Небо – хранило, потому что ни одна пуля, выпущенная из более чем десятка пистолетов, не нашла своей цели, не ранила и не убила ни Махамбета, ни его драгоценную ношу, вцепившуюся в спину своего спасителя, и только повторявшую вместо молитвы: «Аке! Аке!»…

Догоняли! Не пулями, но сами, на конях длинноногих,

ахалтекинской породы, привычных пусть к недолгой, но быстрой скачке, преследователи догоняли, на скаку перезаряжая пистолеты. Будь это не скачка на смерть, не погоня, целью которой – убийство, даже если выстрелом в спину – верный степной конь, привычной к долгим переходам, вынес бы, справился, но в это короткой гонке, когда преследователям всего то и надо, что подобраться на расстояние верного выстрела…

«Аке! Отец!» Да! Отец Небесный, не дух святой, не кудай-алла, имеющий тысячи имен, но само Небо-Тенгри, отец степняка, благодатным дождем берущий мать-Степь, и порождающий на ней жизнь, только на тебя надежда! Языческий страх и поклонение силе природной, существующей здесь, и сейчас, прорвались сквозь наносной слой инородной веры в Единого Творца миров, сущего вечно, но еще давил, угнетал подспудный, идущий из дна сознания, страх перед инакомыслием, въевшийся арабскими ритуалами в каждую мысль о Боге. И тогда пришли, будто из светлого прошлого, детства, прозвучавшие в голове голосом Бекет Ата слова: «И почитая аруаков, можно оставаться в вере в Творца Миров, и тогда поймешь, что Тенгри – лишь еще одно имя Сущего… сущее для нашего народа!»… Слова прорвались сквозь топот копыт, и на какой-то миг опередили звуки выстрелов. И вспомнилась наука Ходжи НаСима, и в самый нужный, самый насущный и необходимый миг вернулась способность видеть, чувствовать старый, рваный халат Времени-Пространства, и находить его карманы, в которые суфий проникает, как рука хозяина… суфий же недоучка – будто карманный воришка, окольно, не без страха, но проходит сквозь складки, и становится пыльный солнечный день чистой звездной ночью, а место одно – местом иным, одним из множества возможных…

Выстрелы будто заглушились в звуках непонятно как начавшейся пыльной бури, злые свинцовые пчелы-пули, вырвавшись из червленых кубачинских стволов, казалось, вот уж настигнут свою цель – беззащитные, такие близкие спины взрослого мужчины и ребенка, но вдруг, растерявшись, запутались, заплутали в

клубах желтой пыли, да и ушли в никуда… или в иные места… из множества возможных

+ + +

Будто само небо было против преследователей в этот день – невесть откуда вдруг поднялась пыльная буря, бросила пригоршни злого песка в лицо, ослепила, а когда прошла, и вернулся ясный день – исчез коренастый, бритоголовый всадник на низкорослом степном коне, уставшем нести на себе и его, и мальца. Ведь тут они были. И стреляли по ним, почитай, что в упор! Нет их. Есть только степь бескрайняя, и бескрайнее же небо над головой. Кажется, вроде частое, ни единого облачка, и не скажешь, что мигом раньше пыльной бурей по лицу отхлестала, а все одно – чуется, что недоброе оно нынче, это небо. Не так врага боится кавказский человек, как суеверий своих. А того пуще – страха перед неведомым, неизвестным ему, и от того еще более жутким. Чувствовал каждый боец черкесской сотни самою дубленой шкурой своей – уходить надобно, и поскорей. Победили сегодня, хоть так, а и ладно! Довольствоваться надо уметь даже малым, а тут, почитай, победа знатная, не малая! Шукюр-шукюр, слава тебе, Господи! И – да, непременно! – слава Государю! Ибо для настоящих хозяев победы в этой последней битвы если и не заслужили в ней чести, так однозначно доказали и веру… и верность.

+ + +

Коли каменным кольцом
опоясать озерцо, –
водам бурно в нём не течь.
Даже яркая луна –
появись вдруг пелена –
свет несет не ярче свеч.
Лев сильнее всех зверей,
но слабее он людей,
испускающих картечь.
Стаду быть добычей волка,

пастуху – пасти без толку,
коли сон свой не стеречь.
Хоть издам тоскливый вой,
не вернётся мой герой,
коль пришлось навечно лечь.
Я теперь бескрылый лебедь,
без корней торчащий стебель,
так нужна ль тут моя речь?!

Махамбет Утемисулы – «Окольцованное озеро»

Конец книги второй

Жылкы Жасы – «Время Жеребца». Romanlar